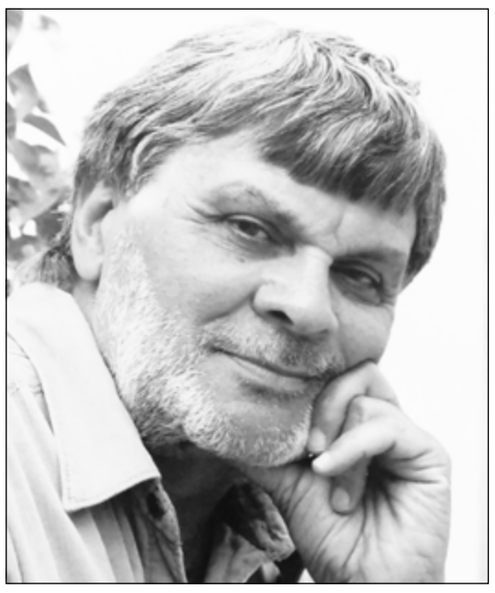

Тимур ЗУЛЬФИКАРОВ

Останется лишь Райский Сад...

ПИСАТЕЛЬСКИЕ ВСТРЕЧИ В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Там Ангел Вечности стоял… витал…
Над нашими кочевьями…
Застольями…
Воздыханьями…
Свиданьями…
Прощаньями…
Винообильновозлияньями…
Вольноречьями…
Вольнолюбвями…
Воистину…

И вот мы все ушли…
Не ведая… не зная,
Что мы навеки…
Насмерть разлетаемся…

Прошли года… века…
Но Ангел Вечности
Всё не улетает…
От наших возлияний… упований…
От хмельных застолий…
Полуночных гостеваний…
От очарований… расставаний…

Но Ангел всё не отлетает
От блаженно жизнью пьяных…
Всё хрустальные бокалы
Винами земными наполняет…

Хотя уж некому их воздымать…
И разбивать о камни…
О друг дружку изливать
Радостными брызгами…
Алмазного шампанского…

ДЯДЯ ФАЗЫЛ

Дервиш сказал:
– Дядя Фазыл – самый щедрый человек
В самой богатой Гиссарской долине…
Он садовник …
Одинокий…
Но у него есть сад черешен…

И вот весной, когда расцветают деревья,
В белопенном как невеста саду,
Появляются друзья дяди Фазыла –
поэты и художники…
Айхххха…

Истинных поэтов и художников мало на земле
В век Золотого тельца никому они не нужны…
И вот стайка стихотворцев и живописцев,
Налюбовавшись черешневым кружевным цветом,
Покидает сад,
позабыв про одинокого дядю Фазыла…
Ойхххха…

Но вот приходит медовое… урожайное лето…
Созревают рубиновые… малиновые…
Гранатовые… атласные… тугие черешни…
Эйхххха…

И тут одинокий сад
И бедный домик-хавли дяди Фазыла
Наполняется многими улыбчивыми,
Вдруг откуда-то явившимися
Многочисленными родственниками…
Друзьями…
Друзьями друзей…
Гостями…
Гостями гостей…
Соседями…
Соседями соседей…
И просто прохожими….
Ойхххх…
Айхххх…

На каждую спелую ягоду –
Приходится два-три алчных… переспелых гостя…
Друга… родственника… соседа… прохожего…
Эйхххх…

А дядя Фазыл ликует… улыбается…
Радуется, что он не одинок…
И простодушно, как дитя,
Дарит весь урожай дорогим человекам…
Айхххх…
Ойхххх…

И тут-то на пыльном осле
Появляется Странник Тысячелетий –
Вечно мудро голодный Ходжа Насреддин…
Он обнимает самого щедрого человека
Самой щедрой таджикской долины:
– Брат Фазыл,
Весной в твой цветущий сад
Забредают поэты и художники…
Они любуются цветущими деревами…
Они – не твои друзья…
Они – друзья цветущего сада…
Да…

А летом твой сад полон спелых ягод …
И переспелых родственников…
Гостей… друзей… соседей…
Но…

Но это тоже не твои друзья,
Они – друзья спелых ягод…
Пока течёт сладкая слюна их…
Айхххх…

О, брат мой Фазыл…
А вот те, кто приходит к тебе зимой,
Когда деревья в снегу…
И в домике твоём сиротский холод,
Вот они и есть твои истинные друзья…
Да…

Тут дядя Фазыл вздохнул и прошептал:
– Зимой никто не приходит…

Тогда Вечный Странник обнял дядю Фазыла:
– Прощай , дитя Добра и Любви…
Жди меня зимой…

И Ходжа, глотая голодную слюну
И не тронув ни одной ягоды,
Покинул сад дяди Фазыла,
Кишащий родственниками…
Родственниками родственников…
Друзьями…
Друзьями друзей…
Соседями…
Соседями соседей…
Прохожими…
Айхххх…

О, Брат мой читатель!
А кто и когда посещает
Одинокий зимний сад твой и домик,
Заметённый снегом?..
Кто истинные друзья твои?..

НОВЫЙ НАСРЕДДИН

Памяти моего сына Касыма,
ушедшего в расцвете лет
в Небесные Селения…

Когда умер Ходжа Насреддин,
Никто в XXI веке Золотого тельца
Не заметил его смерти…

Ибо Мудрость и Поэзия
Ушли из мира денег…
И некому было хоронить
И рыдать над великим суфием…
Да…

Только старый, как могильная…
Истёртая плита заброшенных мазаров,
Осёл Хунук безнадёжно завопил…
Завыл… затрубил …
Запричитал на весь глухой мир:

– Уаааа!.. Уаааа… Уайххх…
О, мой хозяин…
О, мудрец!..
Куда я пойду без тебя…
Хотя нынче времена ослов,
А не мудрецов…
Уаааа… Уаааа…

А прохожий дервиш
Ходжа Зульфикар сказал:
– О, Всевышний!..
Хозяин всех миров…
Всех мудрецов… всех ослов….
Ужели только осёл
Единственный наследник
Мудрости и Поэзии?..
Тогда зачем мир человеков?..
А?..

Иль не так погибали и погибают миры?..
Царства?.. империи?.. звёзды?..
Под похоронный рёв одиноких ослов,
Которые преображаются в Коней Апокалипсиса?..

И мудрец на тихоходном осле
Становится бешеным конным всадником
Апокалипсиса…
А?..

И слепые… глухие… тупые народы
Уходят в землю… к червям…
А не к Звёздам… к Ангелам…
В Вечное Царство…
Айхххх… ойхххх…

И дервиш Ходжа Зульфикар
Опечалился, не услышав ни одного ответа
На свои муравьиные вопрошанья…

А кто услышал?..
А?..

Но тут какой-то кишлачный мальчик,
Козий пастушок,
Прыгнул с горы на трубящего,
Как старая бухарская плачея,
Осла Хунука.
И запел песни… стихи… притчи
Одиноко усопшего Ходжи Насреддина…
Айхххх!..

И тут осёл перестал трубить,
А стал внимать мальчику,
Расставив долгие… чуткие уши…

А Ходжа Зульфикар спросил:
– Отрок поющий…
Кто ты?..

– Я сын Насреддина…
Когда-то, в своих бесконечных странствиях,
Он проходил мимо моего кишлака Йездигирд-дора…
И в первых свежих горных тюльпанах и подснежниках
Встретил мою юнотрепетную мать…
Она тоже была подснежником и тюльпаном….

И он нежно сорвал её и сказал:
– У тебя родится сын…
Назовёшь его Насреддин…

МЫ – ДЕТИ КОРОВ

Когда с гор возвращались вечерние коровы,
Исполненные целебного млека-молока,
Дервиш простирал к ним руки и пел:
– О, мои любимые коровы… коровушки…
Матери кормят нас молоком всего один год,
А вы кормите нас молоком…
Маслом… сыром всю нашу жизнь…

И мы – дети не только наших матерей…
Но и дети коров…
Как можно забыть это?..
Как можно убивать вас?..
Поедать ваше тело?..

О, мои кормилицы…
Четвероногие матери беззащитные мои…
Мудрая Индия давно поняла это,
И объявила коров священными!..
Неприкосновенными…
А что же мы?..

И дервиш печально вспомнил, как поедал коров…

И они вдруг пошли… побрели из него…
Целое немое стадо четвероногих матерей…
О, Боже!..

Ужель я пастух стада съеденных коров?..
И куда бреду…
Не на Страшный Суд ли?..

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЗЛЮБЛЕННАЯ ФАРАОНА

Моей певунье Ирине Ванн

Я подумал, что всё пропало…
И я навсегда заблудился,
Когда налетел слепой самум из пустыни…

Но вдруг чрез пески секущие… необъятные
Увидел Деву – статуэтку пляшущую
У подножья самой Пирамиды…
Айххьяяя…

А феллахи потом мне сказали,
Что в ясные дни
Она вьётся… стелется… мается…
Пляшет древнешумерскую
«Пляску Влюблённых змей»
На вершине самой Пирамиды…
Последняя возлюбленная плясунья
Фараона – Неферт-Тайя-Ра…

Потому что она была молодой и живою,
Когда её взяли в саркофаг
Вместе со старым умершим фараоном,
Чтобы соединить Небесный мир и Земной…

И саркофаг ушёл к богу Осирису
В Царство Мёртвых…
Но Неферт-Тайя-Ра ещё не насладилась
Жизнью земной… хмельной…
И потому из саркофага часто выходит,
Как бабочка из кокона…

А потом возвращается в саркофаг,
Потому что ей жаль Фараона одинокого…

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЗЕМНОЙ ЖИЗНИ ДЕРВИША

В последние дни своей земной жизни
Дервиш не выходил
Из своей кибитки-мазанки на Золотой горе…

Он боялся наступить на муравьёв,
Которые, уже учуяв его близкую кончину,
Во множестве алчно сходились у его порога…
А иные шли и в саму кибитку…

И птицы влетали в полуоткрытое окно –
А это примета смерти…

И зороастрийский похоронный гриф-жрец
Уже близко витал над его кибиткой
И хищная его слюна летела,
словно слепой дождь…
Ойхххх…

И дервиш не покидал кибитку ещё и потому,
Что все тропинки козьи,
Оплетающие его домик,
Чудились ему – Виа Долороза
А садик за окном – Гефсиманским Садом…
А горы – Голгофою…
О, Боже!..

Но дервиш радостно шептал:
– О, Всевышний !..
Я стольких в мире любил… обнимал…
И так многие любили… обнимали меня…
А теперь я хочу обнять родную землю…

О, Господь!
Возьми меня!..
Созрел… перезрел я…
Как декабрьская золотистая айва…
Айхххааа!..

Но тут Тугая…
Необъятно улыбчивая…
В бухарском павлиньем платье…
В шелестящих самаркандских серьгах…
В сафьяновых башмачках-ичигах…
В златотканой дарвазской тюбетейке
Пришла в кибитку…
Взяла дервиша за руку
И повела его на тропу голубоглазых цикориев
И пурпурных маков нежноосыпчивых…
Айхххх…

– Кто ты?..
Как имя твоё?..

И она улыбнулась, как мать своему дитя:
– Меня зовут Хаёт… Жизнь…
И первобытной речной свежестью
Повеяло от Неё…

РАБ… ЦАРЬ… УБИЙЦА…

Дервиш сказал:
– Человек – был частью…
Был рабом
Святой Божественной Матери-Природы…
Потом он стал всевластным хозяином…
Царём покорённой Природы…
А нынче со многими орудьями в руках
Он стал смертельным врагом…
Убийцей Матери-Природы…
Нынешнее Человечество – браконьер… мародёр
В Заповеднике Матери-Природы…

Когда Оно убьёт Природу –
Оно уничтожит и себя…
И вернётся в Природу…
От которой, увы,
Останется лишь Райский Сад…
И двое в нём…
Адам и Ева…

Таджикистан, Гиссарская долина

Вот бы не запутаться в облаках
И во влажном климате не простыть:
Может взять дешевого коньяка
И «братву» на паперти угостить?
Как бы все три короба унести,
Что подгонят новые «кореша»?
Прорастают зерна в моей горсти
И степные ветры ко мне спешат.
Где б такое снадобье раздобыть,
У каких аптекарей поспрошать,
Чтобы всех и каждого возлюбить,
Чтобы всем и каждому не мешать?

* * *

Когда из хаоса и мрака,
Где вместо солнца фонари,
Придет бездомная собака
И ляжет у моей двери.
Я брошу ей бушлат в прихожей,
Едой не стану дорожить,
Ведь мне собачьей жизнью тоже
На свете доводилось жить.

Я был, как тот Гефсиманский сад,
В котором гулял Христос…

ВЕЛИКИЙ УСТЮГ

В конце коридора опять коридор
И ангелы в «караулке».
То райские кущи, то Липин бор,
То «серовы переулки»
Минуя, осени вопреки,
Навстречу любви и вере:
Заждались девки моей руки,
Забыл меня русский север.
Спешу, не чуя своей вины,
Привыкший к дождям и ливням,
В объятья Сухоны и Двины,
Навстречу скалистым бивням.
Далекой родины голоса
Пронзают десятком копий.
«Глядишь ты, отрок явился сам», –
Смеется святой Прокопий…
И звезды путаются в стогу,
Как рыба в плетеной сетке.

Павел ШИРОГЛАЗОВ

К разнотравью любви прикоснется рука...

* * *

Что со мной? Предвкушение грусти
В позолоте церковных оправ.
Мне уютно в своем захолустье:
В акватории северных трав.
Что за мной? Не следы, а поступки
И бездонные хляби стиха.
Я себя собирал по скорлупке
И скрипел, как лесная ольха.
Боже мой, как же дышится вольно,
И зарядка подходит к нулю.
Даже тех, кто мне делает больно,
Я по-прежнему очень люблю.
Что с собой? Далека ли дорога?
Сколько правды в дорожной пыли?
Что со мной? Ощущение Бога
В каждой пригоршне русской земли…

* * *

И глазам я не верю: полагаюсь на душу.
Я архангельский клевер
на небесном лугу.
Заповедного мира я покой не нарушу:
Я у белого света в неоплатном долгу.
И святые глаза увлажнятся росою,
К разнотравью любви прикоснется рука,
Хитро путая след, солнце рыжей лисою
В зябком утреннем небе найдет колобка.
Рукавами дымов свежий ветер утрется
И вернется на круг, что еще не в кругу.
Оживет новый день
журавлями колодцев.
Я архангельский клевер
на небесном лугу…

* * *

Где б такое снадобье раздобыть,
У каких аптекарей поспрошать,
Чтобы всех и каждого возлюбить
Больше, чем насытиться и дышать?
Мой дом – чернила и бумага,
Так Бог со мною говорит,
Когда ж безродная дворняга
Придет и ляжет у двери?

* * *

Памяти Николая Колычева

Сердобольная вдова,
выдай мне копеечку:
Обесточу белый свет толоконным лбом.
В зябкой сутолоке дня
прорастает семечко,
И кочуют облака в небе голубом.

Выйду во поле один,
гляну во вселенную
И какого-то рожна снова на рожон.
Обернусь на старый дом,
на вдову согбенную,
И навстречу тишине, как молодожен.

Доберусь до облаков – обуздаю парочку,
Пусть они меня несут шибче Горбунка.
Сердобольная вдова,
выдай мне на чарочку
И слезами окропи, чтоб наверняка…

* * *

Я был, как тот Гефсиманский сад,
В котором гулял Христос,
И солнце плавило вечный град
Уверенно и всерьез…

А мне хотелось шагнуть за край,
И крикнуть Христу: «Постой!».
В Его глазах отражался рай,
Безоблачный и простой…

Летели искры в кромешный ад
С моих золотых волос.
Вдохнул, а выдохнуть не могу.
Люблю, но иду к соседке…

* * *

Очи свои обращаю на север,
Там, где безмолвие диких полей,
Там, где слова, как в церковном распеве,
Стелятся грустью по русской земле.
Там, где в амбарах живут домовые,
И заповедная тропка видна.
Здравствуйте, годы мои нулевые:
Время всеобщего сытого дна.
Счастье мое когти рвет из вольера
И обретается в зимнем бору.
Совесть моя – наивысшая вера
В то, что от старости я не умру.
Очи свои обращаю на север:
В русскую душу, в чудной звукоряд,
Там, где слова, как в церковном распеве
Голосом предков со мной говорят…

* * *

Не лезьте в душу: в душе – учет.
Подайте грош и ступайте с миром.
Я – неприкаянный дурачок,
Со мной тягаться вам не по силам.
Поверьте на слово, я не вру:
За правду мучаюсь и страдаю,
И вот поэтому не умру,
Пока Россию не оправдаю.
Не рвите лацканы на груди:
Они не вами туда пришиты.
Мне рай мерещится впереди,
Где после терний растут самшиты.
Не лезьте в душу: в душе – учет,
И не злорадствуйте вдоль дороги,
Я – неприкаянный дурачок,
А на Руси подают убогим…

г. Череповец

Валерий КУЗНЕЦОВ

И над тобою, дерзкий разум!

* * *

Меня разбудили гусиные стаи:
Сквозь щели в палатку сочился рассвет.
Не знаю,
не знаю,
не знаю,
На сколько всё это продолжится лет.
Но знаю,
на дальней одной параллели,
Где сонные нас ожидали века,
Наш след стерегут заполярные ели
В колючем сиянье снегов Оленька.
Но знаю,
живут в заповедной тетрадке
Ручьи в тальниках,
вешний холод и чад,
И гуси, крылом задевая палатку,
Сквозь весны летят
и кричат,
и кричат…

ЛАНДЫШ

Весенний лес всю ветошь снял
И солнечным оделся блеском.
И первый ландыш засиял
Во влажном сумраке подлеска.

По отдалённому родству
Отвечу на его поклоны –
За то, что прелую листву
Пронзает он листом зелёным;

Что свежий запах новизны
Из юности дошёл приветом;
Что на пределе белизны
Его цветы клубятся светом;

За то, в конце концов, что нет
Двух разных сил,
подобно слитых:
Ведь всё, что в нём родило свет,
С корней до листьев ядовито…

ГРОЗА В БОРУ

…Пускай не ужас допотопный,
Но поклонение себе!..
Николай Рубцов

Самодержавно грянул гром,
И ливень лёг на огороды,
И молнии сверкнул излом,
Как нервы грозные природы!

Полнеба вспыхнуло в огне –
Как сердца отозвались струны!
Как сладок миг наедине
С грозой и милостью Перуна!

Ты не язычник тёмных лет,
В тебе боренья поколений,
Но делит тучу яркий свет,
Испуг мешая с поклоненьем!

Колеблет мир бессмертный гром,
Землёй и небом правя разом, –
Над древним бором, над селом
И над тобою, дерзкий разум!

* * *

Хвороста тёмные кучи
на вётлах грачиных,
Белого снега полоски
на склонах холмистых…
Я не хочу, не хочу
разбираться в причинах –
Голубизной вдруг сверкнуло
из дней моих мглистых!
Коротки дни у весны
на полынном Урале,
Вот и дорога пылит в середине апреля.
Ты ли, душа, истомилась
в житейском угаре,
Я ли хожу,
в избавленье, как в чудо, не веря?
Пусть мои ветки сгорели
от молнии чёрной,
Душу свою по крохам у корней собираю.
Вижу: как будто хмелеешь
от воли просторной,
Жизнь моя – сизая почка в сиянии мая.

* * *

Вырвался я
из привычного круга,
Свечку поставил во здравие друга.
Тоненько так разгоралась свеча…
Пусть же горит она присно и ныне –
Может, растеплятся наши гордыни,
И заживёт,
что рубилось сплеча.

Короток путь наш от мрака до мрака,
И не дождёшься небесного знака,
Чтобы услышалось:
«Время прощать!».
Грозное время
настанет такое –
Станешь один
пред свечой упокоя…
Что там казниться,
беззвучно кричать.

* * *

…По бесфонарной улице,
В конце которой лес.
Глеб Горбовский

Вот избы деревянные,
Наличники в смоле –
Края обетованные
В безлесной стороне!

И сердце разволнуется
И станет ждать чудес,
Когда пройдёшься улицей,
В конце которой лес.

В конце которой кочеты
В зарю загомонят,
И – хочешь
иль не хочешь ты –
Зарей заполонят.

Поманят дали чистые
Под свой зелёный кров,
Когда дымки смолистые
Потянут со дворов.

Здесь время начинается –
Его река полна.
И дни летят, срываются
Песчинками со дна.

За всё оно расплатится –
И унесёт река
Тебя в открытом платьице,
И бор, и облака;

Песок, поляны с шишками –
Нехитрый весь улов,
Где солнечными вспышками
День гаснет меж стволов;

И где вдали, за соснами –
Так слышно по ночам –
Составы тяжкой поступью
Проходят, грохоча.

МОЛИТВА ЗА ОТЕЧЕСТВО

«Спаси Господи, люди твоя…» –
Что ни день,
за Отчизну молитву
Выдыхает, скорбей не тая,
Сердцем чуя небесную битву…

Как насущный взыскуется хлеб,
Так душа за молитвой взлетает,
Словно там,
где свершенье судеб,
Этой лепты и впрямь не хватает!